

ТЕАТРЪ И МУЗЫКА.

Ки рдер № 17 1904

Бенефисъ О. И. Шаляпина.

Это былъ настоящій праздникъ искусства.

Подобный спектакль—событіе, и въ массѣ впечатлѣній трудно разобратъся. Достаточно сказать, что впервые съ тѣхъ поръ, какъ «Демонъ» поставленъ, была повторена цѣлая сцена — сцена у монастыря.

Новыя эффектныя декорации, специально привезенныя изъ Петербурга, дополняли интересъ этого блестящаго въ сезонѣ спектакля.

Все аріи биссированы; просьба дирекціи не требовать повторенія «Не плачь, дитя» на этотъ разъ не была исполнена. Приподнятое настроеніе слушателей, ловившихъ каждую фразу пѣвца, не могло примириться съ тѣмъ, чтобы не заставить артиста парушить установленную за эти два года обычай.

Предъ зрителемъ—величественная фигура падшаго, но гордаго и сознающаго свое могущество ангела—по гриму и внѣшнему облику врубелевскаго демона. Съ первыхъ фразъ пролога слушатель чувствовалъ, что это что-то новое. Прологъ конченъ — и залъ огласился рукоплесканіями. Но собственно со 2 го акта начался триумфъ бенефицианта. Дивно въ музыкальномъ отношеніи было спѣто «Не плачь, дитя» и съ удивительнымъ изяществомъ и мягкостью «на воздушномъ океанѣ».

Талантъ и искусство сдѣлали свое дѣло—театръ дрогнулъ отъ рукоплесканій; аплодисменты приняли небывалые, чисто стихійные размѣры. «Шаляпинъ, браво!» не прекращалось добрыхъ двадцать минутъ, то нѣсколько затихая, то снова выражаясь въ оваціяхъ и безконечныхъ вызовахъ. Послѣ 2-го акта среди грома рукоплесканій О. И. подали золотой вѣнокъ, массивный серебряный сервизъ, клавиръ «Демона» на цвѣточной подставкѣ и съ портретомъ А. Г. Рубинштейна, десертный вызолоченный сервизъ, лавровый вѣнокъ отъ оркестра, съ надписью на лентахъ: «Геніальному пѣвцу и отзывчивому товарищу», огромную серебряную вазу и цвѣточную лиру. Занавѣсъ поднимался и опускался четверть часа.

Бенефициантъ вышелъ рука объ руку съ г-жей Салиной—Тамарой, затѣмъ и съ г. Собиновымъ, пѣвшимъ Синодала. Аплодируютъ за декоративную сторону спектакля и г. Коровину, съ которымъ братается О. И. Шаляпинъ. Апогей успѣха, рѣдкаго по единодушію, у артиста — сцена у монастыря, которую приходится повторить,—фактъ безпримѣрный. Въ залѣ—стой аплодисментовъ; г. Шаляпинъ поетъ снова, не зная устали.

Въ финальномъ дуэтѣ пѣвецъ и артистъ слились въ одно мощное художественное цѣлое.

Долго не расходилась публика, выражая послѣ паденія занавѣса свою дань восторга предъ пѣвцомъ-художникомъ.